

62458

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ЧТО МЫ ЗАЩИЩАЕМ

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

Программа национал-социалистов — «наци» (фашисты) — не исчерпана в книжке Гитлера. В ней только то, в чем можно было признаться. Дальнейшее развитие их программы таит в себе такие горячечные, садистические, кровавые цели, в которых признаться было бы невыгодно. Но поведение «наци» в оккупированных странах приоткрывает эту «тайну», намеки слишком очевидны: рабство, голод и одичание ждет всех, кто вовремя не скажет твердо: «Лучше смерть, чем победа «наци»».

«Наци» истерично самоуверенны. Завоевав Польшу и Францию — в основном путем подкупа и диверсионного разложения военной мощи противника, завоевав другие, более мелкие, страны, с честью павшие перед неизмеримо более сильным врагом, — «наци» торопливо начали осуществлять дальнейшее развитие своей программы. Так, в Польше, в концлагерях, где заключены польские рабочие, польская интеллигенция, смертность еще весной этого года дошла до семидесяти процентов, теперь она поголовная. Население Польши истребляется. В Норвегии «наци» отобрали несколько тысяч граждан, посадили их на баржи и «без руля и ветрил» пустили в океан. Во Франции, во время наступления, «наци» с особенно садистическим вкусом бомбили незащищенные городки, полные беженцев, «прочесывали» их с бреющего полета, давили танками все, что можно раздавить, потом приходила пехота, «наци» вытаскивали из укрытий полуживых детей, раздавали им шоколад и фотографировались с ними, чтобы распространять где нужно эти документы о немецкой «гуманности»... В Сербии они уже не раздавали шоколада и не фотографировались с детьми. Можно привести очень много подобных фактов.

Все эти поступки вытекают из общей национал-социалистской программы, а именно: завоевываются Европа, Азия, обе Америки, все материки и острова. Истребляются все непокорные, не желающие мириться с потерей независимости. Все народы становятся в правовом и материальном отношении говорящими животными и работают на тех условиях, которые им будут диктоваться. Если «наци» найдут в какой-либо стране количество населения излишним, они его уменьшат, истребив в концлагерях или другим, менее громоздким способом. Затем, устроив все это, подобно господу богу в шесть дней, в день седьмой «наци», как белокурая, длинноголовая раса-прима, начинают красиво жить, — вволю есть сосиски, ударяться пивными кружками и орать застольные песни о своем сверхчеловеческом происхождении...

Все это — не из фантастического романа в стиле Герберта Уэллса, — именно так — реально намерены развивать свою программу в имперской новой канцелярии, в Берлине. Ради этого льются реки крови и слез, пылают города, взрываются и тонут тысячи кораблей, и десятки миллионов мирного населения умирают с голоду.

Разбить армии Третьей империи, с лица земли смести всех «наци» с их варварски-кровавыми замыслами, дать нашей родине мир, покой, вечную свободу, изобилие, всю возможность дальнейшего развития — по пути высшей человеческой свободы, — такая высокая и благородная задача должна быть выполнена нами, русскими и всеми братскими народами нашего Союза.

Немцы рассчитывали ворваться к нам с танками и бомбардировщиками, как в Польшу, во Францию и в другие государства, где победа была заранее обеспечена их предварительной подрывной работой. На границах СССР они ударились о стальную стену, и широко брызнула кровь их. Немецкие армии, гонимые в бой каленым железом террора и безумия, встретились с могучей силой умного, храброго, свободолюбивого народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком изгонял с просторов родной земли наезжавших на нее хазар, половцев и печенегов, татарские орды и тевтонских рыцарей, поляков, шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма... «Все промелькнули перед нами».

Наш народ прежде поднимался на борьбу, хорошо понимая, что и спасибо ему за это не скажут ни царь, ни псарь, ни боярин. Но горяча была его любовь к своей земле, к неласковой родине своей, неугасаемо в уме его горела вера в то, что настанет день справедливости, скинет он с горба всех захребетников, и земля русская будет его землей, и распашет он ее под золотую ниву от океана до океана.

В отечественной войне девятьсот восемнадцатого—двадцатого годов белые армии сдавали со всех сторон нашу страну, и она, разоренная, голодная, вымирающая от сыпного тифа, — через два года кровавой и, казалось бы, неравной борьбы — разорвала окружение, изгнала и уничтожила врагов и начала строительство новой жизни. Народ черпал силы в труде, озаренном великой идеей, в горячей вере в счастье, в любви к родине своей, где сладок дым, и сладок хлеб.

Так на какую же пощаду с нашей стороны теперь рассчитывают «наци», гоня немецкий народ на ураганом несущиеся в бой наши стальные крепости, на ревущие чудовищными жерлами пояса наших укреплений, на неисчислимые боевые самолеты, на штыки Красной Армии?..

«Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?»

В русском человеке есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжелые годы легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день. Был человек — так себе, потребовали от него быть героем — герой... А как же может быть иначе... В старые времена рекрутского набора забритый мальчишечка гулял три дня — и плясал, и, подперев ладонью щеку, пел жалобные песни, прощался с отцом, матерью, и вот уже другим человеком — суровым, бесстрашным, оберегая честь отечества своего, шел через альпийские ледники за конем Суворова, уперев штык, отражал под Москвой атаки кирасиров Мюрата, в чистой тельной рубахе стоял — ружье к ноге — под губительными пулями Плевны, ожидая приказа итти на неприступные высоты.

Три парня сошлись из разных деревень на службу в Красную Армию. Хороши ли они были до этого, плохи

ли, — неизвестно. Зачислили их в танковые войска и послали в бой. Их танк ворвался далеко впереди, во вражескую пехоту, был подбит и расстрелял все снаряды. Когда враги подползли к нему, чтобы живыми захватить танкистов, три парня вышли из танка, у каждого оставался последний патрон, подняли оружие к виску и не сдались в плен. Слава им, гордым бойцам, берегущим честь родины и армии.

Летчик-истребитель рассказывал мне: «Как рой пчел — так вертелись вокруг меня самолеты противника. Шея заболела крутить головой. Азарт такой, что кричу во все горло. Сбил троих, ищу прицепиться к четвертому. Сверху — то небо, то земля, солнце — то справа, то слева, кувыркаюсь, пикирую, лезу вверх, беру на прицел одного, а из-под меня выносятся истребитель, повис на тысячную секунды перед моим носом, вижу лицо человека — сильное, бородатое, в глазах ненависть и мольба о пощаде... Он кувыркнулся и задымил, вдруг у меня нога не действует, будто отсидел, значит — ранен. Потом в плечо стукнуло. И пулеметная лента — вся, стрелять нечем. Начинаю уходить, — повисла левая рука. А до аэродрома далеко. Только бы, думаю, в глазах не начало темнеть от потери крови, и все-таки задержало мне глаза пленкой, но я уж сядил на аэродром, без шасси, на пузо».

Вот уже больше полвека я вижу мою родину в ее борьбе за свободу, в ее удивительных изменениях. Я помню мертвую тишину Александра Третьего; бедную деревню с ометами, соломенными крышами и ветлами на берегу степной речонки. Вглядываюсь в прошлое, и в памяти встают умные, чистые, неторопливые люди, берегущие свое достоинство... Вот отец моего товарища по детским играм — Александр Сизов, красавец, с курчавой русой бородкой, силач: когда в праздник в деревне на сугробах начался бой, — конец шел на конец, — Сизов веселыми глазами поглядывал в окошечко, выходил и стоял в воротах, а когда уж очень просили его подсобить, натягивал голицы и шутя валил всю стену; в тощем нагольном полушубке, обмотав шею шарфом, он сто верст шагал в метель за возом пшеницы, везя в город весь свой скудный годовой доход. Сегодня внук его, наверно, кидается, как злой сокол, на германские бомбардировщики.

Я помню, в избе с теплой печью, где у ткацкого

станка сидит молодая, в углу на соломе спит теленок, отгороженный доской, — мы, дети, собравшись за столом на лавках, слушаем высокого, похожего на коня старика с вытекшим глазом, — он рассказывает нам волшебные сказки. Он побирается, ходит по деревьям и ночует, где пустят. Молодая за станом говорит ему тихо: «Что ты все страшное да страшное, расскажи веселую...» «Не знаю веселую, дорогая моя, не слухал, не видал, — и одним страшным глазом он глядит на нас, — вот они разве увидят, услышат веселое-то...»

Я помню четырнадцатый год, когда миллионы людей получили оружие в свои руки. Умный народ понимал, что первое и святое дело — изгнать врага со своей земли. Сибирские корпуса прямо из вагонов кидались в штыковой бой, и не было в ту войну ничего страшнее русских штыковых атак. Только из-за невежества, глупости, полнейшей бездарности царского командования, из-за всеобщего хищения и воровства, спекуляции и предательства не была выиграна русским народом та война.

Прошло двадцать пять лет. От океана до океана зашумели золотом колхозные нивы, зацвели сады и запушился хлопок там, где еще недавно лишь веял мертвый песок. Задымили десятки тысяч фабрик и заводов. Тот же, быть может, внук Александра Сизова, такой же богатырь, пошел под землей ворочать, как Титан, один сотни тонн угля за смену. Тысячетонные молоты, сотрясая землю, начали ковать оружие Красной Армии — армии освобожденного народа, армии свободы, армии — защитнице на земле мира, высшей культуры, расцвета и счастья.

Это — моя родина, моя родная земля, мое отечество, — в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе.

